

УДК 321; 323

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ – ВЫСОКОЧТИМЫЙ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Михаэль Фридерих, доктор

*1.2.4. Тукай-оптимист
(середина 1930-х – конец 1950-х гг.)**

Переоценке подверглось не только прошлое в целом, но была пересмотрена роль отдельных личностей в истории. Если между серединой 1920-х и серединой 1930-х гг. говорилось больше об анонимных массах, игравших решающую роль в историческом развитии, то теперь были выставлены на передний план и отдельные «лидеры». Как в политике, в которой, конечно, Сталин поставил на первое место себя, так и в науке и литературе прославление и героизация стали не только возможными, но и официально поддерживаемыми и пропагандируемыми. Наглядным примером тому служат многочисленные статьи в советской прессе с начала 1936 г., в которых речь шла о различного рода датах этих вновь «коронованных» лидеров и героев. Такие примеры почитания встречаются вплоть до конца Второй мировой войны¹. Установление памятников было еще одной, внешней манифестацией нового духа, по сравнению с прежним временем. Так, например, в 1947 г., в то время, когда в Советском Союзе еще не было памятников Марксу, Энгельсу или Ленину, в Москве был сооружен монументальный памятник Юрию Долгорукому, московскому князю XII в.² Кроме того, с середины 1930-х гг. множество улиц, колхозов, фабрик, деревень и городов были переименованы в честь исторических личностей³.

Параллельно с возрождением прошлого шло устранение революционеров первой волны. Убийство С.М.Кирова 1 декабря 1934 г. стало поводом и началом целой цепи процессов против высоких и высших партийных функционеров. В 1936 г., своими замечаниями о «глупой болезни беспечности» и «преступном уменьшении бдительности», Сталин заложил основу действий, которые впоследствии получили название «великой чистки»⁴. Преследования 1936–1938 гг. были направлены не только против отдельных личностей, но и против «всего партийного и государственного аппарата, против всех слоев населения»⁵.

Вторая мировая война, с одной стороны, повлияла на временный отказ от атмосферы террора в Советском Союзе, господствовавшей в предыдущие годы, а с другой – привела к усилению патриотизма⁶. 7 ноября 1941 г. в своей речи по поводу 24-й годовщины Октябрьской революции Сталин назвал имена героев, которые он хотел бы воспринимать как символы нового патриотизма: Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин, Дмитрий Пожарский, Александр Суворов и Михаил Кутузов. Их портреты и брошюры о них стали издаваться огромными тиражами и распространялись бесплатно⁷. Вне зависимости от исторической эпохи, в которую они жили, все эти исторические личности имели одно общее – они были русскими и боролись за русское Отечество. То, что Сталин отдавал предпочтение русским по от-

* Продолжение этой главы. Начало главы см. «Научный Татарстан», 2011 г., № 3.

ношению к другим народам СССР и поддерживал русский патриотизм, одновременно выступая против «националистических тенденций» нерусских народов, он также продемонстрировал 24 мая 1945 г., спустя две недели после окончания войны, когда свой тост в честь военачальников Красной Армии провозгласил не за советский, а за русский народ⁸.

Для нерусских народов Советского Союза Вторая мировая война, в какой-то степени, означала передышку. Борьба против «националистов» и «контрреволюционеров» по отдельности или в группировках, которая велась практически без перерыва с конца 1920-х гг., временно приостановилась. Изучение национальной истории и культуры во время войны стало настолько безопасным, каким не было с середины 1920-х гг. И все же сразу после окончания войны стало ясно, что заявление коммунистического руководства о недостатке внимания к национальным героям, сделанное в 1942 г.⁹, являлось лишь прагматичным и чисто тактическим ходом: тот же автор, говоривший об этом недостатке в 1942 г., уже в июне 1945 г. обвинил авторов «Истории Казахской ССР», вышедшей в 1943 г. в Алма-Ате, в проявлениях национализма¹⁰.

Относительно либеральная атмосфера, господствовавшая в советской литературе и искусстве во время войны, продлилась по окончании войны около года. С резолюции ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» началась целая серия кампаний и чисток, продлившаяся до начала 1950-х гг. За «тяжелые ошибки» критике и осуждению со стороны ЦК подверглись эти два журнала за публикацию статей об одном из бывших «серапионовых братьев» Михаиле Зощенко¹¹ и бывшей акмеистке Анне Ахматовой¹². 21 сентября газета «Правда» опубликовала речь секретаря ЦК, отвечавшего за вопросы пропаганды, Андрея Жданова на собрании ленинградских писателей, в которой он подтвердил августовское решение ЦК, конкретизировал

его и объяснил содержание. Жданов дал ясно понять, что долг писателей и деятелей искусства – показать преимущество русской, а не советской (!) культуры над западной¹³. Кампания, начавшаяся после этого, ориентировала русскоязычную литературу против «космополитизма», проявлявшегося в бездумном подражании и прославлении западных буржуазно-капиталистических воззрений. В нерусских республиках СССР эта кампания проводилась как «крестовый поход» против «буржуазного национализма», имевшего целью уничтожение всех самостоятельных культурных и научных традиций и восстановление старых, тесных, дружеских отношений между различными национальностями Российской империи – Советского Союза¹⁴.

Чистки, начавшиеся с кампании весны 1946 г., не ограничились лишь сферой литературы. Они распространились на театр (резолюция ЦК от 26 августа 1946 г.), кино (4 сентября 1946 г.), музыку и композиторов (10 февраля 1948 г.), сатирические журналы (сентябрь 1948 г.), вновь на театр (28 января 1949 г.) и на «космополитических критиков» (11 февраля 1949 г.).

Упомянутые резолюции ЦК и самые важнейшие статьи русской прессы, которые конкретизировали и дополняли эти документы, а также высказывания видных (русских) функционеров от литературы относительно резолюций публиковались в татарских газетах и журналах или одновременно с русскими оригиналами, или же очень скоро после публикации первых. По меньшей мере с этой точки зрения единство народов Советского Союза после Второй мировой войны было полным. Так, например, органы татарской прессы со всеми подробностями сообщали о кампаниях в сфере русской культуры и литературы, даже несмотря на то, что течения, критикуемые при этом (например, «космополитизм» и «формализм»), в татарской литературе практически не были представлены. С другой стороны, русские газеты и

журналы много внимания уделяли сообщениям о кампаниях, которые проводились только в нерусских областях страны (например, борьбе с «буржуазным национализмом»).

То, что эти решения и резолюции содержали, не было ни новым, ни оригинальным, так как в большинстве случаев они посвящались исключительно осуждению «вредных тенденций». Советская литература, как «самая передовая литература в мире»¹⁵, не имела в их интерпретации никаких иных интересов, кроме служения народу и государству. Тесное и непосредственное единение между промышленной и литературной продукцией должно было усиливаться. Принятый в 1946 г. четвертый пятилетний план определил и содержание художественного творчества: «Главная задача художественной литературы в наши дни: воспитание массы согласно идеям сталинской пятилетки, показ перспектив нашего будущего и одухотворение массы этими перспективами, мобилизация всего народа»¹⁶.

От революционного пророческого порыва, определявшего экономическую, общественную и литературно-художественную активность в начале 1930-х гг., в послевоенное время, если исключить некоторые случайные словесные проявления, не осталось и следа. В центре внимания теперь находились не основополагающие изменения, а «косметические корректуры» реального социализма, который в новой советской конституции 1936 г. был объявлен построенным¹⁷. Советская реальность сталинской чеканки окончательно победила социалистическую утопию. Место мечтателей заняли партийные бюрократы.

То, что должны были делать литература и искусство и то, что от них требовалось, – это литературно-художественная реакция на решения партии. Евгений Добренко очень ясно выразился об этом: «Стоит заметить, что [советская] послевоенная литература принципиально никак не коррелиро-

валась с правдой, и только потому ее функции состояли несколько в ином: она была обязана донести до сознания читателей то, с чем они *знакомились* через язык предписаний и резолюций»¹⁸. Такое положение дел практически не изменилось и после смерти Сталина 5 марта 1953 г. Попытки отдельных писателей и критиков, например, Федора Панферова, Владимира Померанцева, Ильи Эренбурга, Виктора Некрасова и Владимира Дудинцева, прикоснуться в своих трудах к новым берегам¹⁹, вначале были восприняты официальной критикой со скепсисом, а чуть позднее, в конце 1956 – начале 1957 гг., резко осуждены²⁰. Кампания против Бориса Пастернака, которому 23 октября 1958 г. была присуждена Нобелевская премия по литературе, окончательно показала, что партийное государство не желает рассматривать литературу и искусство вне политики и не потерпит оценки советского прошлого и настоящего с отклонениями от принятой партийной линии. Показательным для тона и уровня этой кампании явилось высказывание министра государственной безопасности СССР Семичастного, назвавшего Пастернака «свиньей»²¹. Только в начале 1960-х гг. облик русской советской литературы начал меняться²².

В 1934 г. в татарской литературе закончились острейшие идеологические споры. «Конспиративное, буржуазно-националистическое и контрреволюционное» литературное объединение «Жидегән» было раскрыто, и его мнимые члены осуждены весной 1931 г.²³ Роспуск всех пролетарских объединений в литературе и искусстве, объявленный решением ЦК ВКП (б) 23 апреля 1932 г.²⁴, подо что, естественно, попадала и ТАПП, привел к передышке в рядах писателей и критиков²⁵. С января 1933 г. ведущий и официальный татарский литературный журнал не выходил под названием «Атака», а стал называться «Совет әдәбияты». Правда, это переименование менее всего говорило об изменении способа

обращения с литературой или с литературными противниками. Новое название выражало, прежде всего, новый, общесоветский базис и перспективу, демонстрировало, как было показано выше, «советский патриотизм» и «дружбу народов Советского Союза». Первый съезд советских писателей, проходивший в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г., еще раз ясно подтвердил эту общесоветскую перспективу, так как нерусским писателям было предложено «больше уделять внимания советской тематике» и потребовано отказываться от национальной истории и традиций». Такие темы, по мнению Герхарда Зимона, «позволялись лишь как фон и только тогда, когда перспектива ясно подчеркивала классовую борьбу»²⁶. До лета 1936 г., однако, «классовая борьба» в татарской литературе протекала довольно вяло.

Спасение семью советскими летчиками команды исследовательского судна «Челюскин» со льдины в Чукотском море весной 1934 г. определило как в русской, так и в татарской литературе начало нового, официально санкционированного прославления героев, наиболее зримым выражением которого являлось присвоение только что введенного звания Героя Советского Союза²⁷. В прессе очень ясно говорилось о том, что же обеспечило этот подвиг, за что боролись эти летчики – «советская Родина»²⁸. Для литераторов Татарстана, Казахстана и Узбекистана этот эпизод с «Челюскиным» имел и конкретные последствия: в августе 1934 г. союзы писателей этих трех республик призвали писателей принять участие в конкурсе, который имел целью «создание самого лучшего произведения, изображающего в поэзии посредством художественных образов эпопею «Челюскина», доказывающую, что Советская страна воспитывает непобедимых, храбрых борцов»²⁹.

Нельзя с полной уверенностью говорить, что в этом конкурсе приняло участие небольшое количество поэтов, как об этом заявлялось впоследствии.

Однако совершенно очевидно, что с весны 1936 г. положение на литературном фронте вновь обострилось. Как будто набежала тень предстоящих «больших чисток» после того, как в «Правде» в марте 1936 г. было подвергнуто критике то, что в русской литературе начали проявляться вредные тенденции, а именно «формализм» и «натурализм»³⁰, и татарский Союз писателей провел несколько заседаний по этому поводу – 21, 23, 25, 29 марта и 2, 5 апреля. С речью на тему «Татар совет әдәбияты яна күтәрелеш алдында», на первом таком заседании выступил председатель Союза Кави Наджми, он заявил, что в основе «формализма» лежат буржуазно-идеалистические взгляды, согласно которым искусство не имеет ничего общего с производительными силами и закономерным развитием общества и которые требуют самостоятельности искусства и литературы. Основными представителями таких взглядов в татарской литературе он назвал Хайретдина Вали, Фатыха Карима, Ахмета Файзи, Фатхи Бурнаша и раннего Хасана Туфана, в литературной критике – Галимджана Нигмати, Гумара Гали и Гумара Тулумбайского³¹. «Натурализм» же проявлялся в произведениях Халика Садри, Шамиля Усманова, Фатыха Сайфи-Казанлы, Карима Тинчурина и Идриса Туктарова, а также в рассказах Гумара Тулумбайского³².

Хотя вряд ли возможно найти истинную суть в обвинениях, выдвигавшихся в период «большой чистки», все же примечательно, что литературные категории «формалист» и «натуралист» во многом совпадали с политико-идеологическими категориями «троцкист» – «национал-коммунист» (=левый уклон) и «буржуазный националист» (=правый уклон): почти все авторы и критики, которым Наджми приписал «формализм», были осуждены за проявления «левого» или же «национал-коммунистического» уклона, а названные же Наджми «натуралистами» были обвинены в «буржуазном

национализме». То, что эти категории не полностью исключали друг друга, демонстрирует пример с Гумаром Тулумбайским, которому в качестве критика был приписан «левый уклон», а как писатель он был обвинен в «правом уклоне». И это, с одной стороны, подтверждает, насколько произвольным было такое подразделение на категории, а с другой – показывает, что речь шла только о том, чтобы подавить любую критику и иное мнение и обеспечить полное господство партии, персонифицированной в Сталине. Противоречивость обвинений являлась программой. Она вселяла неуверенность и делала возможным пропагандировать Сталина в качестве великого вождя и в образе твердой скалы среди волн все обостряющейся классовой борьбы.

Еще одно предупреждение Кави Наджми, сделанное в ноябре 1936 г. о том, что нельзя ослаблять «классовой бдительности», что необходимо прореживать собственные ряды большевистским взглядом и устранить всех оставшихся врагов³³, оказалось как будто вступлением татарского литературного мира в «большую чистку»: дело не остановилось, как два года назад, на словесной критике авторов. Преследование и «юридическое» осуждение превратились в господствующий метод, применявшийся по отношению к «врагам социализма». Почти все раскритикованные Кави Наджми весной 1936 г. татарские писатели и критики стали жертвами «великой чистки», и многие из них не пережили ее³⁴.

27 октября 1936 г. и партийное руководство Татарстана обсудило татарскую литературу. В качестве самых серьезных ошибок оно назвало слабое руководство писателей со стороны партийных органов, отсутствие партийности у авторов, критиков и литературных функционеров и полностью недостаточную поддержку молодых «авторских кадров». И, по мнению партийного руководства, все это вело к тому, что «буржуазно-националистические элементы» проникали в литературу и пуб-

ликовали классово враждебные произведения³⁵. Две меры, предложенные для улучшения положения, заслуживают отдельного упоминания. Первая касалась недостатков политико-идеологического сознания авторов и критиков, они должны были через курсы лучше знакомиться с марксизмом-ленинизмом. Нетрудно представить, что в качестве учебного пособия в данном случае подразумевался только что появившийся «Краткий курс истории ВКП (б)» Сталина. Вторая мера затрагивала народы и литературы Советского Союза, и здесь в особенности взаимоотношения между русскими и татарами. Русская литература должна была переводиться все в больших объемах, а русские писатели, проживавшие в Татарстане, должны были получать особую поддержку, например, через отдельную издающуюся в Казани русскую литературную газету³⁶. Одновременно русские читатели должны были через переводы знакомиться с татарской литературой³⁷. Третье требование, выдвинутое Татарским обкомом, а именно усиление поддержки молодых авторов, реализовывалось почти принудительно: после «чистки» практически не осталось более или менее известных татарских поэтов и писателей, что не только облегчало реабилитацию «старых», т.е. дореволюционных авторов, а, возможно, делало это необходимым.

В преддверии Второй мировой войны Татарский обком, литературные функционеры и верные партии критики и авторы представляли положение в татарской литературе не слишком радостным. Все они критиковали за отсутствие литературных произведений, посвященных большим темам времени: спасение «Челюскина», фашизм в Германии, стахановское движение³⁸, гражданская война в Испании³⁹. Осуждалось и отсутствие сатирических произведений: «Разве нет у нас тем, которые стали бы основой для юмора и сатиры?» – вопрошал критик Нур Баян, хотя, вероятно, смех застревал в его горле⁴⁰. Для этого, с официальной

точки зрения, имелись идеальные условия: «У нас есть широкие возможности, чтобы писать. Потому что у нас есть наш Сталин, призывающий к творчеству. У нас есть храбрые чекисты⁴¹, охраняющие нас от врагов, есть Красная Армия»⁴².

Вторая мировая война началась для Советского Союза нападением нацистской Германии ранним утром 22 июня 1941 г. С этого времени все силы концентрировались для обороны от врага и защиты социалистического Отечества. Очень многие татары, среди них также писатели и поэты, приняли участие в войне в качестве солдат или же военных корреспондентов⁴³.

В годы войны в татарской литературе получило особое развитие направление, которое до того времени было почти неразвито, – это репортаж (очерк). Темы, обсуждавшиеся в очерках, определялись войной: борьба против фашизма, защита родины, единство и дружба народов Советского Союза. Хотя под словом «родина» подразумевался Советский Союз, в годы войны было возможно уделить большее внимание национальному моменту. Для определения родины в татарском языке применялось выражение «туган ил» – «страна, где родился», что могло быть интерпретировано и как СССР, и как «страна татар»⁴⁴. Допущение советским руководством национальных тонов в литературе (а также в написании истории), с одной стороны, являлось политической необходимостью, чтобы мобилизовать все силы для нейтрализации националистической пропаганды, проводимой нацистами на фронте и на оккупированных территориях⁴⁵. С другой стороны, национальные тона не противоречили точке зрения коммунистической партии до тех пор, пока они оставались в рамках дружбы народов, о которой заявлялось, что она сложилась не после Октябрьской революции, а существовала издавна и всегда. То, что «Родина» являлась важнейшей темой татарской советской литературы в годы войны, еще раз подчеркнул

Кави Наджми 9 мая 1945 г., в день германской капитуляции, в статье в газете «Кызыл Татарстан», помещенной под заголовком «Дан сиңа, Туган илем!»⁴⁶.

Национальный момент в татарской литературе военных лет проявился также и в том, что писатели все больше занимались национальным фольклором. В своих произведениях они пытались подражать стилю сказок и эпоса или же перенять их сюжеты или картины⁴⁷. Кроме того, были вновь «оживлены» дореволюционные татарские поэты, прежде всего, Габдулла Тукай.

Литература в Татарстане в годы войны была более национальной по своему содержанию, чем раньше. Но одновременно она отличалась и мультинациональным характером, чего не было до войны, что не наблюдалось и после ее окончания. И это проявлялось не только в том, что с русского языка на татарский переводилось все больше литературных произведений и журналистских репортажей авторов различных национальностей. Татарстан стал центром для большого числа русских и зарубежных писателей, эвакуированных из Москвы, например, Алексея Толстого, Корнея Чуковского, Самуила Маршак, Василия Лебедева-Кумача, Александра Твардовского, Жан-Ришара Блока, Иоханнеса Р. Бехера, Вилли Бределя и Дж. Джерманетто⁴⁸. Литературные произведения названных и многих других авторов⁴⁹ появлялись в татарском переводе, прежде всего, в рубрике «Ватан сугышы эпизодлары», появившейся в журнале «Совет әдәбияты» непосредственно после начала войны⁵⁰.

Татарская литература в годы Второй мировой войны писалась и печаталась не только в самом Татарстане, а также и в 16 газетах, публиковавшихся с 1942 г. на различных фронтах⁵¹. Возникал довольно интенсивный обмен: фронтовые газеты публиковали, прежде всего, сообщения, рассказы и стихи из Татарстана, а пресса Татарстана – репортажи с фронта.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из множества «памятных статей», появившихся в татарской прессе о нетатарских юбилеях и юбилеях, я хотел бы назвать лишь некоторые: приближающееся 100-летие со дня гибели Пушкина (СЭ. – 1936. – № 1); 100-летие Добролюбова (СЭ. – 1936. – № 2); 75-я годовщина со дня смерти Шевченко (СЭ. – 1936. – № 3); 6-я годовщина со дня гибели Маяковского (СЭ. – 1936. – № 4); 225-летие со дня рождения Ломоносова (СЭ. – 1936. – № 11); 60-я годовщина со дня смерти Некрасова (СЭ. – 1938. – № 1); 70-летие творческой деятельности казахского акына Джамбула (СЭ. – 1938. – № 4); 20-летие Красной Армии (СЭ. – 1938. – № 2); 730 лет «Слову о полку Игореве» и 120-я годовщина со дня рождения Карла Маркса (СЭ. – 1938. – № 5); 110-летие со дня рождения Чернышевского (СЭ. – 1938. – № 7); 20-летие комсомола (СЭ. – 1938. – № 8/9); 21-я годовщина Октябрьской революции (СЭ. – 1938. – № 11/12); 60-летие Сталина (СЭ. – 1939. – № 12); 4-я годовщина со дня смерти Куйбышева (Кызыл Татарстан. – 25.01.1939. – № 19 (5529)); 105-летие со дня рождения Менделеева (Кызыл Татарстан. – 08.02.1939. – № 31(5532)); 375-летие со дня рождения Галилео Галилея (Кызыл Татарстан. – 15.02.1939. – № 37 (5538)); 16-я годовщина со дня смерти Ленина (СЭ. – 1940. – №1/2); 4-я годовщина со дня смерти Горького (СЭ. – 1940. – № 5/6); 30-летие со дня смерти Толстого (СЭ. – 1940. – № 12); 30-летие газеты «Правда» (СЭ. – 1942. – № 5); 150-летие со дня рождения Грибоедова (СЭ. – 1945. – № 1); 10-ти тысячный номер газеты «Правда» (СЭ. – 1945. – № 9); 200-летие со дня рождения Кутузова (СЭ. – 1945. – № 9).

² Barghoorn, Frederick C.: *Four Faces of Soviet Russian Ethnocentrism*, in: *Ethnic Russia in the USSR. The Dilemma of Dominance* / Ed. Edward Allworth, New York 1980, S. 57.

³ О стремлении таким образом увековечить Габдуллу Тукая см. выше раздел I.4.

⁴ Tschukowskaja, Lydia: Sofija Petrovna, Zürich 1982, S. 55, 95.

⁵ Lorenz, Richard. *Sozialgeschichte der Sowjetunion I, 1917-1945*. Frankfurt 1981, S. 232.

⁶ Garrard, John and Carol: *Inside the Soviet Writers Union*, London, New York 1990, S. 61. О патриотической реакции на известие о начале войны в штрафных лагерях Северо-Восточной Сибири см., например: Ginsburg, Jewgenia: *Marschroute eines Lebens*, München, Zürich 1992, S. 49–57.

⁷ Tillet, Lowell: *The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*, Chapel Hill 1969, S. 63 – 64.

⁸ *Ibid.*, S. 86.

⁹ «В качестве недостатка местных издательств должно быть отмечено, что почти нет книг о национальных героях» – так отмечали М.Морозов и В.Слуцкая в газете «Пропагандист» (1942. – № 17). Цит. по: Tillet, Lowell: *The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*, S. 58.

¹⁰ М.Морозов в журнале «Большевик» (1945. – № 6. – С. 74). Цит. по: Tillet, Lowell: *The Great Friendship*, S. 58.

¹¹ Литературная группа «Серрапионовы братья» была основана в начале 1921 г. в Петрограде. Кроме Зощенко, в нее входили, например, Виктор Шкловский, Всеволод Иванов, Лев Лунц, Николай Никитин (См.: *Serapionsbrüder von Leningrad / Übersetzt und herausgegeben von Gisela Drohla*, Frankfurt 1982).

¹² Литературное объединение акмеистов было основано в 1911 г. Анной Ахматовой, Николаем Гумилевым (который позднее стал ее мужем) и Осипом Мандельштамом. 24 августа 1921 г. Н.Гумилев, вместе с другими 60 осужденными был осужден и расстрелян за принадлежность к монархической организации полковника Таганцева (Mierau, Fritz: *Sergej Jessenin*, Leipzig 1992, S. 195; Beyrau, Dietrich. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*, Göttingen 1993, S. 63).

¹³ Спустя сорок лет, 20 октября 1988 г., резолюция от 14 августа 1946 г. была признана Политбюро ЦК КПСС неправильной и недействительной (Wosdwishenski, Wjatscheslaw: *Der Weg in die Kaserne oder Noch einmal über das Erbe*, in: *Das Ende der Abstraktionen. Provokationen zur «Sovjetliteratur»*. Hrsg. Dagmar Kassek, Peter Rollberg. Leipzig 1991, S. 241).

¹⁴ Simon, Gerhard: *Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society*, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S.205; Roberts, Spencer E.: *Sovier Historical Drama, Its Role in the Development of a National Mythology*, The Hague 1965, S. 156.

¹⁵ Цит. по татарскому переводу резолюции ЦК от 14 августа 1946 г. (СЭ. – 1946. – № 7/8. – 3 б.).

¹⁶ Так выражался Камиль Фасеев, представитель отдела пропаганды и агитации Татарского обкома партии, в своей речи на тему «Пятилетний план и задачи писателей» (СЭ. – 1946. – № 6. – 97–98 б.)

¹⁷ Lorenz, Richard. *Sozialgeschichte der Sowjetunion I, 1917–1945*. Frankfurt 1981, S. 230.

¹⁸ Dobrenko, Jewgeni: *Das fundamentale Lexikon. Zur Literatur des späten Stalinismus, in: Das Ende der Abstraktionen. Provokationen zur «Sovjetliteratur»*. Hrsg. Dagmar Kassek, Peter Rollberg. Leipzig 1991, S.285. Выделено автором.

¹⁹ Alexandrova, Vera: *A History of Soviet Literature*, Westport, Connecticut 1971, S. 249–254.

²⁰ Beyrau, Dietrich. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*, Göttingen 1993, S.160; Dewhurst, Martin; Farrell, Robert: *The Soviet Censorship*, Metuchen (New Jersey) 1973, S. 4ff., 11.

²¹ Так пишет Раиса Орлова в послесловии к книге: Ginsburg, Jewgenia: *Marschroute eines Lebens*, München, Zürich 1992, S. 498.

²² Kasack, Wolfgang: *Die russische Literatur 1945-1982, mit einem Verzeichnis der Übersetzungen ins Deutsche*, München 1983, S. 32–49.

²³ Об объединении «Жидегән» и действиях против «буржуазных националистов» в татарской литературе см. ниже в разделе «Национализм или интернационализм».

²⁴ Әдәбият-сәнгать оешмаларында яна баштан кору турында ВКП (б) Үзәк Комитеты карары (23 апрель 1932 ел) // Яналиф. – 1932. – № 4. – 3 б.

²⁵ Graf, Oskar Maria: *Reise in die Sowjetunion 1934*, Hamburg, Zürich 1992, S. 48–49.

²⁶ Simon, Gerhard: *Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society*, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S. 87–88. Съезд проходил в том же здании, в котором в 1937 г. проводились показательные процессы над Бухариным, Радеком и другими, участвовавшими в съезде 1934 г. (Garrard, John and Carol: *Inside the Soviet Writers Union*, London, New York 1990, S. 43).

²⁷ Первыми этого звания удостоились семь летчиков, спасавших команду «Челюскина» (см. примечание 19 к книге: Tschukowskaja, Lydia: *Sofija Petrovna*, Zürich 1982, S. 157).

²⁸ См., например, поздравление в адрес летчиков-спасателей, подписанное Сталиным, Молотовым, Куйбышевым и Ждановым и опубликованное в «Правде» 14 апреля 1934 г., а также редакционную статью в том же номере, статью «За Родину!» в газете «Правда» от 9 июня 1934 г. Эти цитаты приведены в примечании 14 в книге: Tschukowskaja, Lydia: *Sofija Petrovna*, Zürich 1982, S. 157.

²⁹ СЭ. – 1934. – № 9. – 28 б. В состав жюри были включены Максим Горький, Александр Щербаков и таджикский писатель родом из Ирана Абдулкасим Лахути.

³⁰ Beyrau, Dietrich. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*, Göttingen 1993, S. 86.

³¹ *Нәҗми К.* «Татар совет әдәбияты яна күтәрелеш алдында» // СЭ. – 1936. – № 3. – 45–49 б.

³² *Шунда ук.* – 50 б.

³³ *Нәҗми К.* Олы ижат юлы белән // СЭ. – 1936. – № 11. – 68-84 б.

³⁴ Не упоминая «обвинения», я приведу вначале даты ареста, а в случае казни – дату смерти писателей: Фатых Карим (03.01.1938), Фатхи Бурнаш (24.08.1940 – 01.08.1942), Хасан Туфан (19.11.1940, смертный приговор 07.03.1942, заменен 21.03.1942 на 15 лет лагерей и ссылки), Галимджан Нигмати (16.09.1937 – 04.12.1941), Гумар Гали (09.03.1937 – осужден на 10 лет, новый приговор 10.03.1937 – 05.07.1954), Гумар Тулумбайский (08.06.1937 – 08.05.1938), Шамиль Усманов (07.04.1937 – 03.12.1937), Фатых

Сайфи-Казанлы (16.09.1936 – 05.08.1937), Карим Тинчурин (16.09.1937 – 15.11.1938). В случае с Ахметом Файзи, Халиком Садри и Идрисом Туктаровым мне неизвестно, были ли они обвинены или осуждены во время «большой чистки». У меня нет более точной информации о Хайретдине Вали. И сам Кави Наджми стал жертвой «бдительности», к которой настоятельно призывал: 2 июля 1937 г. он был арестован, а два года спустя, в марте 1939 г., был приговорен к 10 годам заключения. Однако либо ему повезло, либо у него оказались правильные связи – его заявлениям дали ход, его дело «пересмотрено» и К.Наджми был освобожден как невиновный 29.12.1939 г. (все данные взяты из изданий: Мостафин Р.; Даутов Р. Репрессиялэнгөн татар язучылары // КУ. – 1992. – №2. – 152–157 б.; №3. – 182–188; № 4. – 175–183 б.; Совет Татарстаны язучылары. Библиографик белешмә / Ред. Р.Н.Даутов, Н.Б.Нуруллина. – Казан, 1986).

³⁵ Так ситуация проанализирована в статье: Татарстан совет язучылары союзының эше турында // СӘ. – 1936. – № 9/10. – 65–69 б.

³⁶ Начало издания подобной газеты планировалось на январь 1937 г. Мне неизвестно, был ли реализован этот план. А успехи в деле перевода литературных произведений с русского языка на татарский были уже прорекламированы Нуром Баяном уже в середине 1938 г. (Татарстан совет язучылары союзының эше турында // СӘ. – 1938. – № 6. – 82–88 б.). Следующие авторы были им названы (порядок автора сохранен): Горький, Пушкин, Толстой, Гоголь, Чехов, Фурманов, Р.Роллан, Салтыков-Щедрин, Г.Гейне, Некрасов, Руставели.

³⁷ Уже в августе 1936 г. в Москве был издан сборник «Поэты Советской Татарии» под редакцией Ахмета Ерикя.

³⁸ Стахановское движение было организовано советским руководством в 1935 г. Сталин охарактеризовал его следующим образом: «Стахановское движение – это движение рабочих и работниц, которое ставит своей целью перевыполнение сегодняшних технических норм, перевыполнение имеющихся, запроектированных технических мощностей, перевыполнение планов производства продукции» (Цит по.: Lorenz, Richard. Sozialgeschichte der Sowjetunion I, 1917–1945. Frankfurt 1981, S. 229).

³⁹ Эти темы были названы Кави Наджми 29 ноября 1936 г. в докладе на тему «Олы ижат юлы белән» (опубликован в: СӘ. – 1936. – № 11. – 68–84 б.) Конечно же, «недовольны», но по совсем иным причинам, не только татарской литературой, но и советской политикой в целом были и поэты, писатели и интеллектуалы, ставшие жертвой «чисток».

⁴⁰ Баян Н. Татарстан совет язучылары союзының эше турында // СӘ. – 1938. – № 6. – 87 б.

⁴¹ Основанная еще Лениным в ноябре 1917 г. тайная полиция – ЧК – в конце 1930-х гг. уже не носила этого названия. С 1922 г. она была переименована в ГПУ, в 1934 г. на его основе был создан Народный комиссариат внутренних дел (НКВД). После нескольких изменений в 1943 и 1945 гг. с 1954 г., через год после смерти Сталина, стала называться КГБ. С осени 1993 г. носит название ФСБ.

⁴² Баян Н. Татарстан совет язучылары союзының эше турында // СӘ. – 1938. – № 6. – 85 б.

⁴³ Среди самых известных татарских писателей, погибших в годы войны, следует назвать: Мусу Джалиля и Абдуллу Алиша (оба казнены в тюрьме Плетцензее 26 августа 1944 г.), Фатыха Карима (погиб 19 февраля 1945 под Кенигсбергом), Нура Баяна (погиб 23 апреля 1945 г. в Штирии), Аделя Кутуя (умер от полученных ранений 15 июня 1945 г. в лазарете на территории Польши), Хайретдина Музая (казнен в сентябре 1942 г. в концлагере Дахау).

⁴⁴ Здесь я намеренно употребляю выражение «страна татар», так как «Татарстан» как понятие и как политико-административная единица является продуктом Октябрьской революции.

⁴⁵ С весны 1942 г. нацисты распространяли газеты и брошюры на разных языках народов СССР, в том числе и на татарском языке – «Идел-Урал», «Хәбәрче» и «Татар әдәбияты». Первое из этих названий, бесспорно, намек на составленный в 1918 г. план основания единой Татаро-Башкирской республики. Ведущим сторонником этой идеи являлся татарский писатель и политический активист Гаяз Исхаки, в 1919 г. через

Дальний Восток покинувший Советскую Россию и после ряда переездов основавший в Берлине. С 1928 по 1939 г. он издавал здесь журнал «Яңа мили юл». Его представления о независимой Волго-Уральской республике содержатся в брошюре «Идел-Урал», изданной на татарском языке в Берлине в 1933 г. В том же году эта брошюра увидела свет на русском и французском языках в Париже, год спустя, в 1934 г., в Токио на японском и в 1938 г. – в Варшаве, на польском языках. В Татарстане с его творчеством начали знакомиться только после 1991 г., после распада СССР. На обложке русской версии брошюры «Идел-Урал», изданной в Казани, размещена карта проектируемого государства.

⁴⁶ Написание с большой буквы Т делает ясным, что под этим может иметься в виду только Советский Союз.

⁴⁷ Татар әдәбияты тарихы. – Т. 5. – 25 б. Здесь названы такие авторы, как Муса Джалиль, Фатых Карим, Ахмет Ерикей, Наки Исанбет и Сибгат Хаким.

⁴⁸ Мне не удалось идентифицировать личность Джерманетто.

⁴⁹ Например, Ильи Эренбурга, Всеволода Иванова, Сергея Смирнова, Алексея Суркова, Эптона Синклера, Теодора Драйзера, Эрнеста Хемингуэя, Лиона Фейхтвангера.

⁵⁰ Татар әдәбияты тарихы. – Т.5. – 29–30 б.

⁵¹ Камилев Г. Фронт газеталары // СӨ. – 1947. – № 5. – 91–95 б.; Татар әдәбияты тарихы. – Т. 5. – 16 б.

Аннотация

Данная публикация – перевод одной из глав книги немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма», изданной в Висбадене в 1998 г. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировались сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным политическим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал достаточно оригинальные наблюдения и выводы.

Ключевые слова: Тукай и мировая литература, Тукай и русская литература, мировоззрение Тукая, идеологическая интерпретация Тукая.

Summary

This publication represents the translation of the chapter from the book «Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism» by the German turkologist Michael Friederich which was published in Wiesbaden in 1998. The aim of the author was to find out how the poet and his creative activity were interpreted in different periods and used in political and ideological situations and finally how his creative activity and personality were put in service of various political views. However, it turned out that the poet was left in the background. Having analyzed numerous publications of scientists and journalists, Friderikh made original observations and conclusions.

Key words: Tukay and world literature, Tukay and Russian literature, Tukay's worldview, ideological interpretation of Tukay.